

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ИНТЕГРАЦИИ И КОНФЛИКТНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ ЧЕРНОМОРСКОГО МАКРОРЕГИОНА¹

И. В. Юрченко, А. В. Баранов, Н. Н. Юрченко, М. В. Донцова

Юрченко Инна Вадимовна.

Эл. почта: ivyurchenko@mail.ru. ORCID 0000-0002-4834-9338

Баранов Андрей Владимирович.

Эл. почта: baranovandrew@mail.ru. ORCID 0000-0001-7109-3062

Юрченко Наталья Николаевна.

Эл. почта: nnyurchenko@mail.ru. ORCID 0000-0001-7597-7279

Донцова Мария Владимировна.

Эл. почта: dontsova_79@list.ru. ORCID 0000-0003-0957-2200

Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития человеческого капитала в полиэтничной среде Черноморской зоны России (Краснодарский край, Республика Крым, г. Севастополь). Цель статьи — анализ факторов, оказывающих значимое влияние на уровень интеграции и конфликтности человеческого капитала с учетом этнополитической составляющей. В работе представлены результаты пилотажного исследования, проведенного в октябре — декабре 2017 г. Объект эмпирического исследования — молодежь (до 30 лет). Эмпирические результаты исследования демонстрируют характер влияния основных параметров состояния внутренней среды региона на уровень интеграции и конфликтности человеческого потенциала. В процессе исследования проведена апробация методик измерения данных показателей, а также идеологической и социально-психологической составляющей человеческого развития. Для оценки влияния факторов на уровень интеграции и конфликтности молодежи в полиэтничном социуме используются многомерные методы статистического анализа, в частности множественная линейная регрессия. По результатам регрессионного анализа установлено, что на уровень интеграции значимое влияние оказывают уровень жизни, уровень физической безопасности и уровень терпимости полиэтничной среды, а интегральным фактором, определяющим изменчивость показателя конфликтности, является уровень физической безопасности. Результаты пилотажного исследования в Республике Крым и г. Севастополь позволяют сделать некоторые выводы о степени интеграции крымского региона в российское социально-политическое пространство. В выводах освещаются перспективы подобного рода исследований и научные установки, касающиеся дальнейших исследований в рамках данной темы.

Ключевые слова: Человеческий капитал, факторы интеграции и конфликта, полиэтничный социум, Черноморский макрорегион, молодежь.

Введение

В изучении современных социально-политических процессов наиболее востребованной методологической платформой является конфликтологическая парадигма. Эта объяснительная модель позволяет развивать фундаментальные аспекты прогнозных характеристик политических трансформаций, внешней, внутренней

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

и региональной политики, рассматривать теоретические и практические аспекты сценарного и ситуационного анализа конфликтного и интеграционного потенциалов в различных сферах жизни общества. Возможность осуществлять поиск эффективных технологий управления конфликтами и формировать механизмы разрешения и урегулирования конфликтов в Южно-российском регионе с учетом его специфики основана на систематическом отслеживании тенденций развития человеческого капитала. В условиях новых вызовов и угроз национальной и региональной безопасности российского общества в поисках противодействия экстремизму конфликтологическая парадигма исходит из того, что в исследуемом регионе остро стоит проблема трансграничных социокультурных сообществ, которые можно рассматривать в виде сложносоставного логико-содержательного пространства, выходящего за рамки общегосударственной общности и угрожающего разрывом ментально-культурных границ в условиях, когда общества становятся еще более открытыми, неустойчивыми и подверженными внешним воздействиям. Попытки оторвать субрегиональную моноэтническую языковую общность от полиэтнической государственности связаны с современными геополитическими вызовами общегражданской идентичности. В структуре политического пространства всегда присутствуют центр, периферия и технологии взаимодействия между ними, т.е. политическое пространство организуется как создаваемая в центре иерархия структур политического контроля, управленческих, правовых и административных практик. Причем создание целостной системы территориально-политического контроля, особенно в многосоставном, мультикультурном, многоконфессиональном, полиэтническом обществе — это сверхсложная проблема, связанная с выявлением причин ценностной поляризации в социально-культурном пространстве.

Материалы и методы

Исследование носит прикладной характер. Эмпирической базой являются результаты пилотажного исследования, проведенного в Краснодарском крае ($n = 120$), в Республике Крым ($n = 80$) и г. Севастополе ($n = 50$) в мае 2017 г. Исследование проведено методом анкетного опроса по единой программе, разработанной коллективом при поддержке РФФИ².

Пилотажную выборку в указанных регионах составляет молодежь в возрасте 18–30 лет, основная часть которых является учащимися вузов (опрашивались студенты гуманитарных и технических специальностей в равных пропорциях). Выборка пропорциональна и по гендерному составу (Краснодарский край: мужчины — 48,3%, женщины — 51,7%; Республика Крым: мужчины — 41,3%, женщины — 58,7%; г. Севастополь: мужчины — 44%, женщины — 56%). Половозрастной состав пилотажной выборки представлен в табл. 1.

В данном исследовании важной задачей является определение этноконфессиональных установок, что требует описания национального состава выборочной совокупности. В Краснодарском крае среди участников опроса русские составили 70,8%, украинцы — 6,7%, армяне — 11,7%, народы Северного Кавказа — 7,5%, иные национальные группы — 3,3%. Выборку Республики Крым составили 65% русских, 10% украинцев и 6% крымских татар. В г. Севастополе этническая самоидентифи-

² Авторы выражают благодарность за участие в проведении полевого исследования В.А. Чигрину и Л.Н. Гарас.

Таблица 1. Половозрастной состав выборочной совокупности

Table 1. Age and sex composition of the sample

Возрастные категории Age Categories	Краснодарский край (n = 120) Krasnodar Territory				Республика Крым (n = 80) Republic of Crimea				г. Севастополь (n = 50) The city of Sevastopol			
	Муж. Male		Жен. Female		Муж. Male		Жен. Female		Муж. Male		Жен. Female	
	Абс.	% от n	Абс.	% от n	Абс.	% от n	Абс.	% от n	Абс.	% от n	Абс.	% от n
18–21	26	21,7	27	22,5	15	18,8	22	27,5	8	16,0	11	22,0
22–25	25	20,8	25	20,8	13	16,3	17	21,3	11	22,0	13	26,0
26–30	7	5,8	10	8,3	5	6,3	8	10,0	3	6,0	4	8,0

кация опрошенных отличается от состава населения г. Севастополя по переписи 2014 г. В выборке русские составили 74%, украинцы — 6%, белорусы и крымские татары — по 4%, а 12% не указали этничность, тогда как по переписи 2014 г. среди жителей Севастополя насчитывалось 81,1% русских, 14,2% украинцев, 1,5% крымских татар, 1,0% белорусов, а не указали свою этничность — 4,9% (Суринов, 2015).

Цель пилотажного исследования — апробация инструментария и измерительных техник, используемых в исследовании (измерение уровня интеграции человеческого капитала, потенциала конфликтности и уровня социально-психологической стабильности). Аналитическими инструментами выступили регрессионный анализ (множественная линейная регрессия) и корреляционный анализ.

Методологические основания исследования

Для исследования процессов интеграции и конфликта в исследуемом регионе необходимо определиться с методологией и методами факторного анализа человеческого капитала в полиэтнической среде. Основной объяснительной моделью в полипарадигмальном анализе исследуемой проблемы является конфликтологическая парадигма, представленная системной концепцией конфликта, позитивно-функциональной теорией, циклической моделью траекторий конфликтов и интеграционных тенденций. На уровень интеграции и конфликтности человеческого потенциала оказывают влияние политико-культурные факторы, исследование природы которых связано с выявлением ценностных оснований социальных взаимодействий в полиэтнической среде. При этом в методологическом аспекте проблема рассматривается на основе универсалистских моделей конфликтов цивилизаций или конфликтов культур, которые параллельно сопровождаются интеграционными процессами внутри групп, находящихся между собой в конфликте. Как отмечает К. Ф. Завершинский, «при анализе многообразных культурных, в том числе и ценностных измерений социальных конфликтов, так или иначе воспроизводится эпистемологическая дихотомия нормативно-этического и позитивистско-инструменталистского, когда ценностная составляющая рассматривается как производная от аксиолого-идеологических концептуализаций или эмпирических калькуляций инструментальной эффективности публичных ценностей в теориях рационального выбора (широко используемых в практиках медиации социокультурных конфликтов)» (Завершинский, 2015). А изучение про-

блемы возникновения социального конфликта связано с выявлением «промежуточных переменных», обусловленных способами легитимации власти и иерархией статусов (Козер, 2000) в сложно дифференцированном обществе со множеством идеологических, религиозных, этнических, демографических, профессиональных и других групп интересов. Для нашего исследования большое значение имеет также подход, предложенный М. Дюверже, который построил свою теорию на понятиях конфликта, интеграции и эволюции, последовательно и комплексно рассматривая биологические, психологические, социально-демографические, географические, социально-культурные и политико-экономические факторы при анализе всевозможных конфликтов и процессов интеграции. Проблема доминирования в языке и коммуникации, исследуемая Т. Дейком (Van Dijk, 2008), особенно актуальна в полиэтничном социуме, а также с точки зрения иногда возникающих демографических разногласий. Интересной представляется модель социального конфликта, предложенная Л. Крисбергом (Kriesberg, 2009, 2015), который показывает, почему многие конфликты носят циклический характер. Это позволяет учитывать как обратные связи, так и измерение управляющих воздействий в направлении интеграции того или иного сообщества в единое социально-политическое пространство, что в частности актуально для изучения состояния и проблем социокультурной и политико-экономической интеграции Крыма в Россию. В этой связи необходим также аналитический инструментарий изучения конфликтов идентичностей, в частности рассматриваемый М. Кастельсом (Castells, 1997) и с учетом региональных и демографических факторов в коллективной монографии ученых Казанского (Приволжского) федерального университета (Зазнаев, 2001).

В этом подходе воплощается идея о том, что всем межгрупповым конфликтам присущи общие структурные и динамические параметры. Методология, избранная Л. Крисбергом, позволяет находить общие ориентиры диагностики, вырабатывать способы регулирования различных конфликтов [5] и фиксировать применяемые акторами политического процесса интегративные политические практики. Согласно его трактовке, термин «сила конфликта» относится к индивидуальному или групповому использованию негативных санкций для побуждения других действовать, как этого желают акторы, использующие силу (принуждение). Реально используемое или угрожающее применение насилия показывает наличие агрессивных технологий, применяемых во взаимодействии сторон или потенциально существующих санкций. Этот латентный потенциал также нужно учитывать при изучении уровня интеграции и конфликтности человеческого капитала в полиэтнической среде.

Как отмечает М.Ю. Быченко, общетеоретические концепции человеческого потенциала в современном социологическом контексте имеют ряд недостатков: 1) в рамках этих разработок только обозначены общие теоретические умозаключения по данному явлению, отсутствуют конкретные разработки, связанные с факторами развития и содержанием его подсистемных компонентов; 2) не конкретизированы параметры социологической оценки развития человеческого потенциала, не ясны основные показатели, которые могут применяться в процессе данной оценки (Быченко, 2001). Кроме того, развитие человеческого капитала в полиэтнической среде — это проблема, требующая пристального научного исследования и конкретизации. Обычно данный концепт характеризуется экономическими показателями (Machlup, 1984). В нашем исследовании мы рассматриваем человеческий капитал как сложносоставную систему, охватывающую не только экономическую составля-

ющую, но и ментальную, связанную с потенциалом толерантности и ценностями этнокультурной целостности. В данном широком аспекте человеческий капитал понимается как система инновационных, культурных, интеллектуальных, био-социальных свойств, способностей и ресурсов, которые накапливаются и могут реализовываться в полезной деятельности индивидов и социальных групп в полиэтнической среде. С эмпирической точки зрения данная категория рассматривается как сочетание индивидуальных потенциалов: 1) стабильности и воспроизводства (демографический, трудовой, социальный); 2) этнокультурного (идеологический, этнокультурный, духовно-нравственный); 3) потенциала прогрессивного развития (интеллектуальный, инновационный).

Описание методики измерения

Системные модели конфликта и интеграции в региональном измерении основаны на определенной классификации факторов, т.е. выделении из всего множества событий и явлений, оказывающих воздействие на возникающие тенденции. В научном инструментарии факторного анализа развития человеческого капитала (Pastor, 2000) полиэтнического социума основное место отводится разработке системы показателей и индикаторов уровней интеграции и конфликтности. Анализ сложной структуры идеологического самосознания, состоящей из когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, показывает, какие факторы оказывают влияние на уровень социальной интеграции или, наоборот, конфликтности исследуемой региональной общности, являющейся составной частью суверенного государства. Под индикаторами можно понимать определенные пороговые значения показателей конфликтности, выход за пределы которых означает появление дестабилизации.

Принимая во внимание ментальную, идеологическую и социально-психологическую основу человеческого капитала в полиэтническом социуме, при построении системы индикаторов важно учитывать не только фактический результат социальной интегрированности человеческих ресурсов в сферах демографического, социального, производственного и этнокультурного развития, но и потенциальный эффект, выраженный в потребностях и установках. В глобальных измерениях человеческого потенциала используется также и уровень дохода. Например, во всемирно известный индекс ИРЧП (Корчагина, 2012) включен показатель материального благосостояния, рассчитанный по паритету покупательской способности. При расчете уровня интеграции мы исходим из представления, что материальное положение граждан во многом зависит от социально-экономического состояния региона, в том числе качества работы властей, поэтому материальный уровень можно рассматривать скорее как фактор, а не показатель интегрированности человеческого капитала.

С нашей точки зрения, показателями интеграции человеческого капитала в процесс развития полиэтнического региона (HCI — human capital integration) являются: демографическое развитие, вовлеченность в производственное развитие, интеллектуальное развитие, развитие межэтнических отношений, инновационное развитие (см. табл. 2).

Показателем максимальной интегрированности является наличие у актора всех перечисленных свойств, т.е. индекс интегрированности исчисляется как сумма значений фактических индикаторов и индикаторов установок. Наличие свойств,

Таблица 2. Показатели и индикаторы интеграции человеческого капитала в полиэтническом социуме

Table 2. Indicators of the integration of human capital in a multi-ethnic society

Показатели развития <i>Development indicators</i>	Индикаторы фактического участия в процессе общественного развития (<i>Fact indicator — F</i>) 1 — да, 0 — нет <i>Indicators of actual participation in the process of social development</i> (<i>Fact indicator — F</i>) 1 — yes, 0 — no	Индикаторы установок (<i>Attitude indicator — A</i>) 0,5 — да, 0 — нет <i>Attitude indicator — A</i> 0,5 — yes, 0 — no
1. Демографическое развитие <i>Demographic development</i>	F ₁ — Наличие детей <i>The presence of children</i>	A ₁ — Желание иметь 2 и более детей <i>Desire to have 2 or more children</i>
2. Вовлеченность в производственное развитие <i>Involvement in industrial development</i>	F ₂ — Наличие полезной занятости <i>Availability of rewarding employment</i>	A ₂ — Стремление к созидательной деятельности <i>The desire for creative activity</i>
3. Интеллектуальное развитие <i>Intellectual development</i>	F ₃ — Уровень образования * <i>The level of education</i>	A ₃ — Стремление повысить образовательный уровень <i>The desire to improve education</i>
4. Развитие межэтнических отношений <i>Development of interethnic relations</i>	F ₄ — Отсутствие фактов участия в конфликтах с этнической составляющей <i>The absence of facts of participation in conflicts with an ethnic component</i>	A ₄ — Стремление понимать культуру и традиции других народов <i>The desire to understand culture and traditions of other peoples</i>
5. Инновационное развитие <i>Innovative development</i>	F ₅ — Наличие результатов новаторской деятельности <i>Availability of innovative results</i>	A ₅ — Желание заниматься новаторской деятельностью <i>The desire to be innovative</i>

* Образовательный уровень представляется в следующих значениях: среднее образование — 0,25; среднее специальное — 0,5; неполное высшее (проходит обучение в вузе) — 0,75; наличие высшего образования — 1.

The educational level is presented in the following values: secondary education — 0,25; secondary special — 0,5; incomplete higher education (undergoing training at a university) — 0,75; the presence of higher education — 1.

относящихся к категории фактического участия, обозначим значением «1», а факт выраженности тех или иных социальных установок, ввиду их вероятностной природы, — значением «0,5». Также, в процессе измерения установок необходимо учитывать и уровень целеустремленности человека (НР – human purposefulness), так как при условии наличия мотивации к полезной деятельности, но отсутствия готовности достичь поставленных целей, интеграционный потенциал ослабляется. Наличие целеустремленности обозначим значением «2», ее отсутствие — значе-

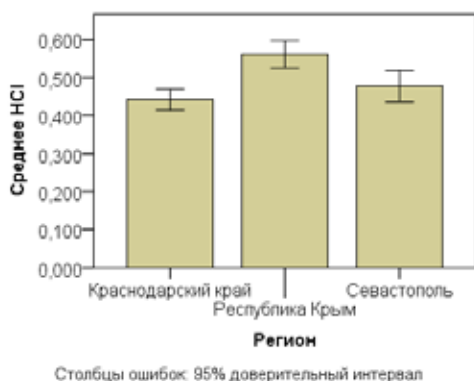

Рис. 1. Сравнительные характеристики уровня интеграции человеческого капитала

Fig. 1. Comparative characteristics of the level of the human capital integration

нием «1». Таким образом, формула измерения уровня интеграции человеческого потенциала полиэтнического социума будет иметь следующий вид:

$$HCI = \frac{\sum F_i + \sum A_i \times HP}{10},$$

где F_i — индикаторы фактического участия в процессе общественного развития, A_i — индикаторы установок, HP — показатель целеустремленности. Индекс измеряется в интервале $[0;1]$, где 1 — максимальная степень интегрированности.

Результаты произведенных измерений (см. формулу 1) и статистическое сравнение полученных результатов в региональном разрезе (использован тест проверки статистических гипотез о среднем Манна–Уитни) на выборке пилотажного исследования показывают, что уровень интеграции человеческого капитала в Республике Крым оказался достоверно выше ($p < 0,01$), чем в Краснодарском крае и г. Севастополе (см. рис. 1).

Найденные различия формируются за счет инновационной составляющей (наличие результатов новаторской деятельности, желание заниматься новаторской деятельностью) и более выраженного стремления к пониманию иных культур. Так, по данным пилотажного опроса, 75% молодых людей Республики Крым отметили, что стремятся понять культуру и традиции других народов. Для сравнения в Краснодарском крае таковых оказалось 40%, в г. Севастополе — 28%. Низкий показатель по г. Севастополю может быть обусловлен однородной этнической средой региона (русские составляют 81,1% в общей численности населения города). Также в Республике Крым, как показали результаты пилотажа, более выражены установки на повышение собственного образовательного уровня. Кроме того, в Республике Крым, включая г. Севастополь, стремление заниматься новаторской деятельностью молодые люди выражают достоверно чаще — 45%. В Краснодарском крае численность потенциальных новаторов в 2 раза меньше — 21,7% (различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$). В Краснодарском крае больше выражено желание иметь 2 и более детей, но при этом данный регион уступает Крыму и г. Севастополю в плане стремления к созидательной деятельности (потребность придумывать создавать что-то новое).

Результаты факторного анализа

В процессе формирования структуры системной динамической модели необходимо определить системные конфликтогенные и интеграционные факторы (внешние и внутризкономические, внешне- и внутриполитические, социальные) и субъектные конфликтогенные и интеграционные факторы. Однако, следует отметить, что все они формируют специфическую среду региона, которая имеет явные эффекты, проявляющиеся в жизни его жителей. Региональная политическая ситуация, в том числе в сфере межнациональных отношений, находит отражение в самоощущении регионального сообщества. Ключевыми направлениями внутренней политики полиэтничного региона являются обеспечение безопасности, социального развития и бесконфликтного межэтнического климата (Юрченко, 2013). Для факторного анализа уровня интеграции и конфликтности человеческого капитала определим следующие составляющие внутренней среды региона с представлением результатов опроса, которые и составят систему анализируемых факторов (табл. 3).

Корреляционный анализ (применялись коэффициент корреляции Спирмена для расчета связи уровня интеграции с фактором F1 — показателем уровня жизни (переменные не подчиняются нормальному распределению) и точечно-бисериальный коэффициент для расчета связи с факторами F2–F6) показывает наличие статистически достоверной связи (на уровне значимости $p < 0,05$) между рассчитанным уровнем интеграции человеческого потенциала и такими факторами как уровень физической безопасности и уровень терпимости (табл. 4).

Таким образом, исходя из корреляционного анализа, для оценки факторов, оказывающих влияние на уровень интеграции человеческого потенциала в полиэтничном обществе, необходимо сконцентрироваться на показателях терпимости и физической безопасности. Согласно результатам регрессионного анализа (применялся метод множественной линейной регрессии, $R^2 = 0,352$, в модель включены только факторы, имеющие значимую корреляцию с показателем интеграции) основным фактором, который оказывает влияние на уровень интеграции человеческого потенциала, является уровень физической безопасности ($p < 0,05$) (см. табл. 5, рис. 2). Вторым по значимости фактором является терпимость полиэтничной среды (частота случаев оскорблений на почве нетерпимости к инаковости). А такие факторы, как уровень жизни, финансовая стабильность, уровень распространения коррупции и степень социального неравенства, были исключены из регрессионной модели, поскольку не оказывают значимого влияния на уровень интеграции.

Наиболее опасным конфликтогенным фактором является феномен радикализма как вызов кризисного общества в результате обострения, международных, региональных, социально-экономических и этнополитических конфликтов. Тенденция к радикализации политического сознания подтверждается распространением этнонационализма, выдвижением идей совмещения конфессиональных, этнических и политических границ, общей политизацией этничности и этнизацией политики [19].

Распространение радикальных и экстремистских настроений является наиболее опасным конфликтогенным фактором в современном политическом пространстве. Эти движения «обращаются на любом уровне общества к тем, кто выбит из колеи, к раздраженным и психологически бездомным, к потерпевшим личные неудачи, социально изолированным, лишенным ощущения экономической безопасности, к малообразованным, простодушным и авторитарным личностям», — утверждал М. Липсет. «Подобные движения поддерживаются теми, кто по той или иной причине

Таблица 3. Система факторов внутренней среды полиэтничного региона

Table 3. The system of factors of the internal environment of a multiethnic region

Код	Показатель	Индикатор
F1	Уровень жизни жителей региона <i>The standard of living of the inhabitants of the region</i>	Оценка материального положения 1) хорошее: КК* – 43,3%, РК* – 17,5%, С* – 26% 2) терпимое: КК – 55,8%, РК – 75%, С – 66% 3) тяжелое: КК – 0,8%, РК – 7,5%, С – 8% <i>Assessment of financial situation</i> 1) good – КТ* – 43,3%, RC* – 17,5%, CS – 26% 2) Tolerant: КТ* – 55,8%, RC* – 75%, CS – 66% 3) Severe: КТ* – 0,8%, RC* – 7,5%, CS – 8%
F2	Оценка финансовой стабильности <i>Financial Stability Assessment</i>	Частота случаев снижения доходов населения КК – 35%, РК – 32,5%, С – 32% <i>The incidents of declining incomes</i> КТ – 35%, RC – 32,5%, CS – 32%
F3	Уровень распространения коррупции <i>Corruption rate</i>	Частота случаев коррупции КК – 61,7%, РК – 52,5%, С – 54% <i>Incidence of corruption</i> КТ – 61,7%, RC – 52,5%, CS – 54%
F4	Степень социального неравенства <i>Degree of social inequality</i>	Частота случаев дискриминации по социально-демографическим признакам КК – 15,8%, РК – 23,8%, С – 20% <i>Frequency of cases of discrimination based on socio-demographic characteristics</i> КТ – 15,8%, RC – 23,8%, CS – 20%
F5	Уровень физической безопасности <i>Physical security level</i>	Частота возникновения ситуаций, реально угрожающих жизни и здоровью КК – 20,8%, РК – 28,7%, С – 38% <i>The frequency of situations that actually threaten life and health</i> КТ – 20,8%, RC – 28,7%, CS – 38%
F6	Уровень терпимости <i>Tolerance level</i>	Частота случаев оскорблений на почве нетерпимости к инаковости (национальной, этнической, иной гражданской позиции) КК – 17,5%, РК – 53,8%, С – 46% <i>The frequency of cases of insults on the basis of intolerance to otherness (national, ethnic, other civil position)</i> КТ – 17,5%, RC – 53,8%, CS – 46%

* КК – Краснодарский край, РК – Республика Крым, С – г. Севастополь.

* КТ – Krasnodar Territory, RC – Republic of Crimea, CS – the city of Sevastopol

потерпел провал при попытке добиться успеха в своем бизнесе или профессии, кто потерял свой социальный статус или опасается потерять его. Именно такие люди придают рассматриваемым движениям фанатичный и экстремистский характер, а также образуют ядро их приверженцев» (Липсет, 2016). Таким образом, при оценке конфликтного потенциала необходимо также оценить потенциальную группу

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа

Table 4. Correlation Analysis Results

Код Code	Показатель Indicator	Значение коэффициента корреляции Correlation coefficient	Уровень статистической значимости, p The level of statistical significance, p
F1	Уровень жизни жителей региона <i>The standard of living of the inhabitants of the region</i>	0,115*	0,070
F2	Оценка финансовой стабильности <i>Financial Stability Assessment</i>	0,082	0,192
F3	Уровень распространения коррупции <i>Corruption rate</i>	0,004	0,942
F4	Степень социального неравенства <i>Degree of social inequality</i>	0,095	0,134
F5	Уровень физической безопасности <i>Physical security level</i>	0,234	0,034
F6	Уровень терпимости <i>Tolerance level</i>	0,242	0,025

* — использовался коэффициент корреляции Спирмена. В остальных случаях применялся точечно-бисериальный коэффициент.

* — *Spearman's correlation coefficient was used. In the remaining cases, a point-bead coefficient was applied.*

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа влияния факторов внутренней среды полиэтнического региона на уровень интеграции человеческого потенциала

Table 5. The results of a regression analysis of the influence of factors of the internal environment of a multi-ethnic region on the level of integration of human potential

Список факторов в модели List of factors in the model	Стандартизованные коэффициенты β Standardized Coefficients β	t	Уровень значимости, p Significance level, p
Константа Constant		34,43	<0,001
Уровень физической безопасности Physical security level	0,142	2,25	0,024
Уровень терпимости Tolerance level	0,125	1,975	0,049

риска через оценку социально- психологической стабильности (PS – personal stability). Определим следующие показатели социально-психологической стабильности:

- отсутствие тревожности (отсутствие постоянного ощущения опасности) (1 балл);
- жизненная определенность (наличие важной жизненной цели) (1 балл);
- наличие устойчивых взглядов, принципов, гражданской позиции (1 балл);

– ощущение защищенности в финансовом, физическом, имущественном и правовом плане (максимум 4 балла).

Таким образом, показатели личностной стабильности можно оценить по шкале от 0 до 7, где 0 означает полную социально-психологическую дестабилизацию (перечисленные выше показатели отсутствуют), а 7 — очень высокую личностную стабильность (наличие всех перечисленных качеств).

Как показали результаты измерений, средний уровень социально-психологической стабильности во всех рассматриваемых регионах находится примерно на одном уровне. В Краснодарском крае он ожидаемо выше, чем в Крыму, но ненамного: в Краснодарском крае — 4,32 балла из 7 возможных, в Республике Крым — 3,45 балла и в г. Севастополе — 3,78 балла. Крайне низкие показатели (0–1 балл) в Краснодарском крае зафиксированы в 5,8% случаев, в Республике Крым — в 18,8% случаев, в г. Севастополе — в 14% случаев. Таким образом, группа риска в Республике Крым наиболее масштабная — почти пятая часть опрошенных имеет латентный потенциал для воздействия со стороны деструктивных течений. Всего на выборке Черноморского макрорегиона показатель социально-психологической неустойчивости составляет примерно 9%.

Среди респондентов с крайне низкой социально-психологической стабильностью имеют довольно значительный протестный потенциал — 27,6%. При этом 31,1% относятся к числу неопределившихся, т.е. к тем, кто не может однозначно сказать, будут ли принимать участие в акциях протеста или нет. Для сравнения среди респондентов с очень высокими показателями социально-психологической стабильности потенциально примут участие в акциях протеста в 17,6%, а неопределенный ответ дали всего 7,8%.

Далее представим интегральный показатель конфликтности и проведем факторный анализ, аналогичный представленному ранее анализу факторов, оказывающих влияние на уровень интеграции человеческого капитала. Установим следующие индикаторы для определения потенциала конфликтности (CP – conflict potential):

- 1) готовность участвовать в акциях протеста (1 балл);
- 2) наличие опыта участия в конфликтах с этнической составляющей (1 балл);
- 3) недоверие действующей власти (1 балл).

Показатель уровня конфликтности измеряется по шкале от 0 до 3, где 0 — потенциал конфликтности отсутствует, 3 — максимальный уровень конфликтности.

Результаты регрессионного анализа ($R^2 = 0,529$) показали, что на уровень конфликтности значимое влияние ($p < 0,05$) оказывают такие факторы как уровень жизни жителей региона ($p = 0,011$), уровень распространения коррупции ($p = 0,040$), уровень физической безопасности (см. табл. 6, рис. 2), за исключением, как ни странно, уровня терпимости полиэтнической среды ($p > 0,2$). Интегральным фактором, по сути определяющим изменчивость показателя конфликтности, является уровень физической безопасности ($p < 0,01$), который, к слову, не настолько существенен, когда речь идет об уровне интеграции человеческого капитала ($p = 0,024$) (см. табл. 6).

Результаты регрессионного анализа показывают, что уровень личностной стабильности оказывает более значимое влияние на уровень интеграции ($p < 0,01$), но при этом имеет более слабое на уровень конфликтности ($p < 0,05$). Описанные результаты регрессионного анализа наглядно представлены на рис. 2.

Структура явлений, образующих социально-политическую безопасность, является в первую очередь особым видом общения между людьми, а лишь потом — связями

Таблица 6. Результаты регрессионного анализа влияния факторов внутренней среды полиэтнического региона на уровень конфликтности

Table 6. The results of a regression analysis of the influence of factors of the internal environment of a multi-ethnic region on the level of conflict

Список факторов в модели List of factors in the model	Стандартизованные коэффициенты β Standardized coefficients β	t	Уровень значимости, p Significance level, p
Константа Constant		6,13	< 0,001
Уровень жизни жителей региона The standard of living of the inhabitants of the region	-0,155	-2,58	0,011
Уровень распространения коррупции Corruption rate	0,125	2,06	0,040
Уровень физической безопасности Physical security level	0,247	4,06	<0,001

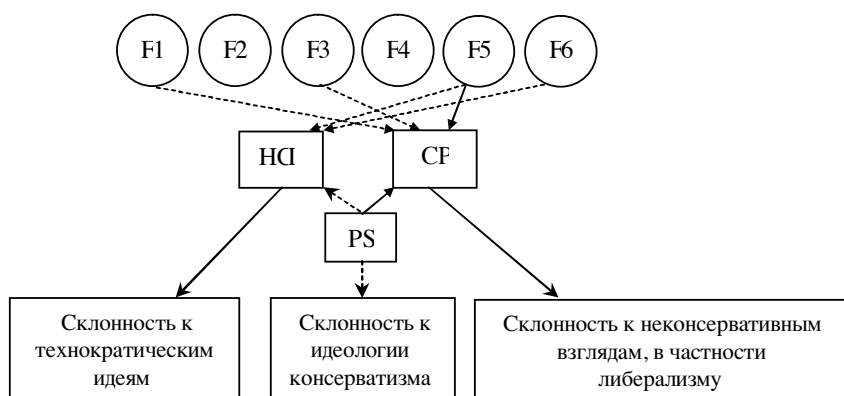

Рис. 2 — Факторы, оказывающие влияние на уровень интеграции и конфликтности человеческого капитала в полиэтническом социуме (результаты регрессионного анализа)

Условные обозначения к рис. 2: HCI — уровень интеграции человеческого капитала (human capital integration); PS — социально- психологическая стабильность (personal stability); CP — конфликтный потенциал; $\leftarrow \cdots$ — фактор оказывает статистически значимое влияние на уровне $p < 0,05$; $\leftarrow$ — фактор оказывает статистически значимое влияние на уровне $p < 0,01$

Fig. 2. Factors influencing the level of integration and conflict of human capital in a multi-ethnic society (results of a regression analysis)

Legend to Fig. 2: HCI — level of integration of human capital (human capital integration); PS — socio-psychological stability (personal stability); CP — conflict potential; $\leftarrow \cdots$ — factor has a statistically significant effect at $p < 0.05$; $\leftarrow$ — factor has a statistically significant effect at $p < 0.01$

Таблица 7. Эмпирическая интерпретация идеологических течений, принятая в исследовании

Table 7. The empirical interpretation of ideological trends adopted in the study

Политические идеологии Political ideologies	Сущностные понятия Essential concepts
1. Консерватизм Conservatism	1) духовность, нравственность, традиционные ценности; 2) державность, единство; 3) сила, величие <i>1) spirituality, morality, traditional values; 2) sovereignty, unity; 3) power, greatness</i>
2. Либерализм Liberalism	1) неприкосновенность частной собственности; 2) свобода (рынка, слова, выбора); 3) верховенство закона <i>1) inviolability of private property; 2) freedom (of market, word, choice); 3) rule of law</i>
3. Гуманизм Humanism	1) терпимость, право на самоопределение; 2) человеколюбие забота о ближнем; 3) ценность жизни, личности <i>1) tolerance, the right to self-determination; 2) philanthropy, concern for one's neighbor; 3) the value of a person's life, the value of a person</i>
4. Коммунизм Communism	1) равенство прав и возможностей; 2) достойный труд; 3) общественная собственность <i>1) equality of rights and opportunities; 2) decent work; 3) public property</i>
5. Технократия Technocracy	1) научные достижения, высокие технологии; 2) профессионализм, знания; 3) эффективность общественных институтов <i>1) scientific achievements, high technologies; 2) professionalism, knowledge; 3) the effectiveness of public institutions</i>

с разного рода системами. Все основные факторы, обеспечивающие региональную безопасность или, наоборот, подрывающие ее, складываются на основе ценностно ориентированных действий, что требует специального аксиологического анализа поведения акторов регионального этнополитического процесса. Для его использования в конфликтологических исследованиях можно применять т.н. когнитивный подход, позволяющий учитывать характер присущих человеку рассуждений, оценивать разнообразие стилей мышления и идеологии участников социально-политических взаимодействий. Проведенный опрос позволяет сделать выводы о том, как ключевые показатели интеграции, конфликтности и персональной стабильности оказывают влияние на склонность к определенным идеологическим взглядам, среди которых были выделены: консерватизм, либерализм, гуманизм, коммунизм и технократия. Склонность к тем или иным идеологическим взглядам измерялась на основе ответов на вопрос: «На каких “трех китах”, Вы бы хотели видеть Российское государство будущего?». Респонденты выбирали три варианта ответа из 15 предложенных, в которых присутствовали понятия, отражающие суть тех или иных идеологических течений (см. табл. 7).

С помощью регрессионного анализа было установлено, что уровень социальной интеграции человеческого потенциала (HCI) в большей мере влияет на степень проявления склонности к идеологии консерватизма ($p < 0,01$): чем выше уровень

интеграции, тем выше склонность к данной идеологической доктрине. Уровень конфликтности оказывает влияние на склонность к консервативным установкам, но данное влияние менее выражено и имеет обратную направленность: чем выше уровень конфликтности, тем меньше склонность к восприятию идеологии консерватизма (см. рис. 2). Из перечисленных идеологических установок наибольший конфликтный потенциал (хотя и не являющийся статистически значимым на выборке пилотажного опроса ($p < 0,2$)) имеет идеология либерализма.

Этнокультурная интеграция Крыма в российское общество

В условиях воссоединения Крыма с Россией важно укрепить этнокультурную интеграцию полиэтнического региона в российское общество, особенно в свете негативного восприятия данного процесса со стороны западных сил (O'Loughlin J., Toal G., 2019). С особой остротой эти задачи стоят применительно к молодёжи. По итогам пилотажного опроса была выявлена степень интеграции молодёжи Республики Крым и г. Севастополя в российское общество. Теоретическая основа работы — конструктивистская парадигма этничности. Этнические различия осмысливаются как проявления самосознания; этнические границы трактуются как подвижные (Social Integration, 1994).

Декларируемая степень значимости этнической принадлежности человека в повседневном общении опрошенных умеренна. Считают этничность значимой (ответ «Скорее, да») 16% респондентов (для сравнения — в Республике Крым 21,2%), не считают (ответ «Скорее, нет») — 74% (в РК — 70,6%), затруднились ответить 10% в Севастополе и 8,2% в РК. В ситуациях, требующих доверия и риска (совместное дело, финансовые операции, лечение близких), значение этнической принадлежности человека повышается до 18% (в РК — до 29,4%) [11, с. 12–13]. Эти пропорции мало различаются по этническим подвыборкам.

Характер межэтнических отношений в г. Севастополе положительно оценивается большинством респондентов (44%) как «доброжелательность, мирное сосуществование» (почти не отличается от мнения студентов в РК — 43,5%) либо «терпимость» (26% в Севастополе и 30,6% в РК), «доверие» (10% ответов в Севастополе и 7,1% в РК). Напряжёнными межэтнические отношения сочли 20% опрошенных в г. Севастополе и 17,6% в республике, а конфликтными — никто в г. Севастополе и 1,2% в РК (Баранов, Донцова, Чигрин, 2017).

Вероятность реальных межэтнических столкновений в Севастополе оценивается респондентами в среднем на 29,6 баллов из 100 максимальных (опрошенные в Республике Крым дали оценку 36 баллов). Оценка вероятности реальных межэтнических столкновений более высока среди студентов технических направлений подготовки в г. Севастополе (32,3 балла в сравнении с 26,8 в подвыборке студентов-гуманитариев).

Будущее межэтнических отношений в городе воспринимается опрошенными студентами противоречиво. Считают, что через 5 лет характер межэтнических отношений, «скорее улучшится», 28% респондентов в г. Севастополе и 10,6% — в республике; «не изменится» — 40% в г. Севастополе и 32,9% в РК; «скорее ухудшится» — 8% в городе и 18,8% в республике; затруднились с ответом 24% в г. Севастополе и 37,7% в Республике Крым. Ввиду малого числа украинцев и крымских татар в севастопольской выборке их ответы не репрезентативны. Но характерно, что опрошенные в Республике Крым студенты-украинцы предпочли ответы о неизменности

межэтнических отношений в регионе либо уклонились от ответа. В подвыборке опрошенных крымских татар считали, что межэтнические отношения «скорее улучшатся» — 6,7%, «никак не изменятся» — 26,7%, «скорее ухудшатся» — 20%, а затруднились с ответом — 46,6% (Баранов, Донцова, Чигрин, 2017). Итак, риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар.

Молодежь г. Севастополя и Республики Крым скептически оценивают наличие трудовой конкуренции между постоянными жителями и мигрантами в своём регионе. Признают конкуренцию «скорее, реальной проблемой» 26% опрошенных в г. Севастополе и 28,2% — в РК. Считают её «скорее, надуманной проблемой» 40% в г. Севастополе и 35,3% — в республике. Уклонились от ответа 34% в городе и 36,5% — в республике. Причиной терпимого восприятия миграции является относительно сниженный уровень конкуренции на рынке труда Крыма в сравнении с Краснодарским краем. Но в подвыборке крымских татар, опрошенных в РК, степень признания трудовой конкуренции с мигрантами достигает 33,3%, а в подвыборке украинцев — 44,4%. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов.

В то же время опрошенные студенты Севастопольского государственного университета разделились поровну в оценке предпочтительной стратегии миграционной политики, нацеленной на привлечение переселенцев или на ограничение их притока. Полагают, что мигранты «скорее, способствуют развитию региона» 24% респондентов, а 20% — напротив, считают, что мигранты «скорее, препятствуют его развитию». Такие распределения оценок делают необходимой просветительную работу органов власти, учреждений образования и СМИ, коммерческих структур, приглашающих трудовых мигрантов.

Описанный характер межэтнических отношений связан также с общей оценкой респондентами уровня безопасности в г. Севастополе и Крыму. 40% опрошенных молодых людей считают, что г. Севастополь можно назвать стабильным регионом, а 36% — нестабильным. Чувствуют себя защищёнными в аспекте финансовой безопасности 32% опрошенных в г. Севастополе и 28,2% — в Республике Крым. Ощущают себя в имущественной безопасности 58% в городе и 45,9% — в республике, в физической безопасности — 64% в Севастополе и 51,8% в РК, а в правовой безопасности — только 28% в городе и 24,7% респондентов в республике. Иерархия уровней субъективного восприятия безопасности в городе и республике одинакова. В наибольшей мере молодые крымчане ощущают физическую и имущественную безопасность, а в наименьшей мере — правовую и финансовую.

Доверяют в большей мере российской государственной власти, чем оппозиции, 38% респондентов в г. Севастополе и 29,4% в Республике Крым. Преобладает нейтральное отношение — 58% в городе и 65,9% в республике. Скорее, оппозиции, чем действующей власти, доверяют 4% севастопольских респондентов и 4,7% опрошенных в РК.

Допускают возможность личного участия в массовых акциях протеста против снижения уровня жизни, несправедливых действий органов власти, в защиту своих прав 10% опрошенных в г. Севастополе и 35,4% в Республике Крым, а не допускают такой возможности 62% в городе и 54% — в республике (Баранов, Донцова, Чигрин, 2017). Важно, что различий установок протестной активности по этническим подвыборкам нет ни в городе, ни в республике.

Установки опрошенной студенческой молодёжи по преимуществу демонстрируют модель избегания межэтнического конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Межэтнические отношения в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Одновременно наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп региона, их поведения в публичной политике, возможных намерений повысить свой коллективный статус. Риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар. Модальность восприятия миграции зависит от этнической самооценки респондентов. Наиболее позитивно воспринимают трудовую миграцию на полуостров опрошенные студенты — русские, а относительно сдержанно — крымские татары и украинцы.

Восприятие уровня безопасности в Крыму студенческой молодёжью в целом позитивное, но отмечено сниженное восприятие уровня правовой и финансовой безопасности. Это объясняется трудностями перехода крымского регионального сообщества на российское законодательство, а также финансовыми трудностями, вызванными блокадой полуострова.

Учитывая особое положение, в котором находятся г. Севастополь и Республика Крым, — пограничность, информационная война со стороны стран Запада и Украины, повышенная открытость молодёжи контактам с украинским пространством, — необходима целенаправленная политика реинтеграции молодёжи Крымского полуострова в российское социокультурное и политическое сообщество, направленная на формирование прочной и осознанной приверженности российской нации. В проведении такой политики социологические исследования и политическая экспертиза призваны стать важным и профессионально реализуемым направлением.

Выводы

Таким образом, использование индикаторов и показателей в экспертной диагностике конфликтогенных и интеграционных факторов развития человеческого потенциала Черноморского макрорегиона может использоваться в целях разработки способов оптимизации административно-управленческих практик и социально-политического оздоровления полиэтнического, конфликтного общества, сохранения российской идентичности как сущностной основы и одновременно важнейшего ресурса конкурентоспособности страны в современных условиях. Ценностное рассогласование, усугубляемое внешним давлением, информационным и сетевым оружием, применяемым против страны-мишени со стороны коллективного Запада, создает угрозы социальных потрясений.

Этнокультурные интеграционные процессы фиксируются показателями, определяющими способность властной элиты достигать компромиссов в межэтническом диалоге, конструктивное влияние институтов гражданского общества и массмедиа на тематизацию политического дискурса в направлении консолидации общества, формирования общероссийской гражданской идентичности и др.

Высокая степень ответственности за обеспечение условий внутренней интеграции общества в кризисной ситуации возлагается на лиц, принимающих решения, которые также являются составной частью человеческого капитала в регионе. Их способность (или неспособность) сосредоточить конструктивный потенциал и обеспечить эффективное социальное проектирование и его реализацию на приоритетных направлениях стратегического развития является наиболее зна-

чимым индикатором в процессе исследования конфликтогенных и интеграционных факторов развития регионального сообщества (Юрченко, 2015). Процесс разработки и применение политических технологий сопровождается созданием таких теоретических моделей и сценариев, которые наиболее адекватно отражают специфику политики и политического поведения в полиэтничном макрорегионе. Это связано с дополнительными сложностями, обусловленными вероятностным характером политических процессов, формированием новых групп интересов в процессе конфликтного взаимодействия. В этих условиях возможно изменение расстановки политических сил и может появиться необходимость для укрепления социальной базы руководящего слоя, набора сторонников, согласования противоречащих друг другу целей интересов и ценностей внутри элиты. Возможные политико-административные конфликты региональных элит в этих условиях могут иметь различный потенциал: как инновационный, интегрирующий и стимулирующий общество на эффективное развитие, так и деструктивный, ослабляющий консолидирующую функцию региональных органов власти и управления. Выявление дисфункциональных тенденций должно быть своевременным с тем, чтобы упреждать проявление дестабилизирующих факторов.

Итоги пилотажного опроса молодёжи Краснодарского края, г. Севастополя и Республики Крым нуждаются в перепроверке после реализации анкетных опросов с массовой выборкой. Предполагается расширить рамки объекта исследования, включив в выборку работающую молодёжь и старшеклассников средних школ, а также другие демографические группы. В анкету предполагается добавить вопросы об иерархии коллективных идентичностей респондентов (национальной, региональной, этнических, религиозных, локальных и др.), вопросы о межэтнических дистанциях, о проблемах соседства в условиях этнического разнообразия и взаимного доверия. Факторы интеграции и конфликтности человеческого капитала в полиэтничной среде связаны с наличием условий социальной взаимосвязи на добровольной основе, что характеризуется понятием гражданского общества, где существуют возможности для межличностного и межгруппового сотрудничества и достижения компромиссов, что особенно актуально для молодежной среды. Дж. Александер определяет гражданское общество как «место», где формируются ощущения взаимозависимости друг от друга (Alexander, 1992), т.е. естественным образом работают социальные интеграционные механизмы. Поэтому нами в дальнейшем будут анализироваться лучшие практики для устранения социокультурных барьеров и политические технологии урегулирования конфликтов в сложносоставном обществе.

Библиографический список

- Баранов, А. В., Донцова, М. В., Чигрин, В. А. (2017). Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ. *Общество: социология, психология, педагогика*, 11, 10–14.
- Быченко, Д. Ю. (2011). Методологические основы исследования человеческого потенциала. *Известия Саратовского университета. Серия: Социология, политология*, 11(2), 56–59.
- Завершинский, К. Ф. (2015). Политико-культурные измерения социальных конфликтов. В А.И. Стребкова, А.В. Алейникова, А.Г. Пинкевич (ред.) *Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии*. СПб.: Фонд развития конфликтологии.

- Суринов, А. Е. (2015). *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе* (с. 135–141). М.: ИИЦ «Статистика России».
- Козер, Л. А. (2000). *Функции социального конфликта*. М: Идея-Пресс.
- Корчагина, И. И. (2012). Измерение человеческого потенциала в условиях ограничения доступа к ресурсам его развития. *Журнал институциональных исследований*, 4(1), 68–78.
- Липсет, С. (2016). *Политический человек: социальные основания политики*. М.: Мысль.
- Зазнаев, О. И. (2011). *Политическая идентичность и политика идентичности: Очерки*. Казань: Отечество.
- Тишков, В. А. (2013). *Российский народ. История и смысл национального самосознания*. М.: Наука.
- Юрченко, И. В. (2015). Радикализация политического сознания в условиях кризиса и технологии противодействия экстремизму. В *Конфликт как проблема. Очерки современной теоретической и прикладной конфликтологии* (с. 384–399). СПб: СПбГУ, Фонд развития конфликтологии.
- Юрченко, Н. Н. (2013). Конструктивный потенциал социального проектирования в условиях радикализации политико-информационного пространства. *Европейский журнал социальных наук*, 9, 134–147.
- Юрченко, И. В. (2013). О некоторых факторах распространения идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 2(118), 251–256.
- Alexander, J. C. (1992). *Democracy and Civil Society*. Mimeo, Los Angeles: UCLA.
- Castells, M. (1997). *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge; Oxford: Blackwel.
- Kriesberg, L. (2015). A Constructive Conflict Approach to World Struggles. *The Brown Journal of World Affairs*, 21(2), 24–37.
- Kriesberg, L. (2009). Waging Conflicts Constructively. In by S. Byrne, D. Sandole, I. Staroste-Sandole, J. Senehi (Eds.) *Handbook of Conflict Analysis and Resolution* (pp. 157–169). N.Y.: Routledge; Francis and Taylor Group.
- Kriesberg, L. (2015). *Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach*. N.Y.: Oxford University Press.
- Machlup, F. (1984). *The Economics of Information and Human Capital*. Princeton: Princeton University Press.
- O'Loughlin, J., Toal, G. (2019). The Crimea Conundrum: Legitimacy and Public Opinion after Annexation. *Eurasian Geography and Economics*, 60(1), 6–7. DOI: 10.1080/15387216.2019.1593873.
- Pastor, M. Jr., Dreier, P., Grigsby, J. E & Lopez-Garza, M. (2000). *Regions That Work. How Cities and Suburbs Can Grow Together*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Social Integration: Approaches and Issues. (1994) UNRISD Briefing Paper No. 1. World Summit for Social Development. N.Y.: United Nations Research Institute for Social Development. Retrieved from [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/510920DA18B35A6880256B65004C6A7B/\\$file/bp1.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/510920DA18B35A6880256B65004C6A7B/$file/bp1.pdf)
- Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication*. Houndmills; Basingstoke: Palgrave Publ.

Статья поступила в редакцию 30.09.2019

Статья принята к публикации 29.11.2019

Для цитирования: Юрченко И.В., Баранов А.В., Юрченко Н.Н., Донцова М.В. Факторный анализ уровня интеграции и конфликтности человеческого капитала молодежи в полиэтничной среде Черноморского макрорегиона. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 4. С. 163–183.

FACTOR ANALYSIS OF THE LEVEL OF INTEGRATION AND CONFLICT OF HUMAN CAPITAL OF YOUTH IN THE MULTI-ETHNIC ENVIRONMENT OF THE BLACK SEA MACROREGION

I. V. Yurchenko, A. V. Baranov, N. N. Yurchenko, M. V. Dontsova

Inna V. Yurchenko.

E-mail: ivyurchenko@mail.ru. ORCID 0000-0002-4834-9338.

Andrey V. Baranov.

E-mail: baranovandrew@mail.ru. ORCID 0000-0001-7109-3062.

Natalia N. Yurchenko.

E-mail: nnyurchenko@mail.ru. ORCID 0000-0001-7597-7279.

Mariya V. Dontsova.

E-mail: dontsova_79@list.ru. ORCID 0000-0003-0957-2200.

Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Russia, 350040, Krasnodar.

E-mail: alivka2000@mail.ru.

Acknowledgements. The study was carried out through the financial support of The Russian Foundation for Basic Research, the research project No. 17-03-00802 (Conflict and Integration Factors of Human Potential Development in the South of Russia in the Context of New Geopolitical Challenge).

Abstract. The article deals with the problems of human capital development in the youth environment of the Black Sea zone (Krasnodar Region, the Republic of Crimea, the city of Sevastopol). The purpose of the article is to analyze the factors that have a significant impact on the level of integration and conflict of human capital, taking into account the ethnopolitical component. The paper presents the results of a pilot study conducted in October-December 2017. The object of empirical research is youth (up to 30 years). The empirical results of the study demonstrate the nature of the influence of the main parameters of the internal environment of the region on the level of integration and conflict of human potential. In the process of the study, the methods of measuring these indicators, as well as the ideological and socio-psychological component of human development, are tested. Multivariate methods of statistical analysis, in particular multiple linear regression, are used to assess the impact of factors on the level of integration and conflict of youth in a multiethnic society. The results of the regression analysis found that the level of integration of a significant influence of the level of physical security and the level of tolerance multiethnic environment, as an integral factor in determining the variability of the indicator of conflict is the level of physical security. The results of the pilot study in the Republic of Crimea and Sevastopol allow us to draw some conclusions about the degree of integration of the Crimean region into the Russian socio-political space. The conclusions highlight the prospects of this kind of research and scientific guidelines for further research in the framework of this topic.

Key words: Human capital, factors of integration and conflict, polyethnic society, the Black Sea macroregion, youth.

DOI: 10.31429/26190567-20-4-163-183

References

Alexander, J. C. (1992). *Democracy and Civil Society*. Mimeo, Los Angeles: UCLA.

Baranov, A. V., Dontsova, M. V., Chigrin, V. A. (2017). Mezhetnicheskiye otnosheniya v Krasnodarskom kraye i Respublike Krym v zerkale obshchestvennogo mneniya molodezhi: sravnitel'nyy analiz [Ethnic Relations in The Krasnodar Territory and the Republic of Crimea in The Reflection of The Youth Public Opinion: A Comparative Analysis]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 11, 10–14.

Bychenko, D. Yu. (2011). Metodologicheskiye osnovy issledovaniya chelovecheskogo potentsiala [Methodological Bases of Human Potential Research]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*.

- Seriya: Sotsiologiya, politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 11(2), 56–59
- Castells, M. (1997). *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge; Oxford: Blackwel.
- Korchagina, I. I. (2012). Izmereniye chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh ogranicheniya dostupa k resursam yego razvitiya [Measurement of Human Potential in Conditions of Limited Access to Its Development Resources]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Institutional Studies Journal], 4(1), 68–78.
- Kozer, L. A. (2000). *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [Functions of Social Conflict]. M: Ideya-Press.
- Kriesberg, L. (2009). Waging Conflicts Constructively. In by S. Byrne, D. Sandole, I. Staroste-Sandole, J. Senehi (Eds.) *Handbook of Conflict Analysis and Resolution* (pp. 157–169). N.Y.: Routledge; Francis and Taylor Group.
- Kriesberg, L. (2015). A Constructive Conflict Approach to World Struggles. *The Brown Journal of World Affairs*, 21(2), 24–37.
- Kriesberg, L. (2015). *Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach*. N.Y.: Oxford University Press.
- Lipset, S. (2016). *Politicheskii chelovek: sotsial'nyye osnovaniya politiki* [Political Man: The Social Bases of Politics]. M.: Mysl'.
- Machlup, F. (1984). *The Economics of Information and Human Capital*. Princeton: Princeton University Press.
- O'Loughlin, J., Toal, G. (2019). The Crimea Conundrum: Legitimacy and Public Opinion after Annexation. *Eurasian Geography and Economics*, 60(1), 6–7. DOI: 10.1080/15387216.2019.1593873.
- Pastor, M. Jr., Dreier, P., Grigsby, J. E & Lopez-Garza, M. (2000). *Regions That Work. How Cities and Suburbs Can Grow Together*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Social Integration: Approaches and Issues. (1994) UNRISD Briefing Paper No. 1. World Summit for Social Development. N.Y.: United Nations Research Institute for Social Development. Retrieved from [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/510920DA18B35A6880256B-65004C6A7B/\\$file/bp1.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/510920DA18B35A6880256B-65004C6A7B/$file/bp1.pdf)
- Surinov, A. Ye. (2015). *Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge* [Census Results in the Crimean Federal District] (pp. 135–141). M.: IITS “Statistika Rossii”.
- Tishkov, V. A. (2013). *Rossiyskiy narod. Istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Russian People. The History and Meaning of National Consciousness]. M.: Nauka.
- Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication*. Houndmills; Basingstoke: Palgrave Publ.
- Yurchenko, I. V. (2013). O nekotorykh faktorakh rasprostraneniya ideologii ekstremizma v politiko-informatsionnom prostranstve [On some Factors of Spreading the Ideology of Extremism in the Political and Information Space]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Adyge State University: Internet Scientific Journal], 2(118), 251–256
- Yurchenko, I. V. (2015). Radikalizatsiya politicheskogo soznaniya v usloviyakh krizisa i tekhnologii protivodeystviya ekstremizmu [The Radicalization of Political Consciousness in a Crisis and Technology to Counter Extremism]. In *Konflikt kak problema. Ocherki sovremennoy teoreticheskoy i prikladnoy konfliktologii* [Conflict as a Problem. Essays on Contemporary Theoretical and Applied Conflictology] (pp. 384–399). SPb: SPbGU, Fond razvitiya konfliktologii.
- Yurchenko, N. N. (2013). Konstruktivnyy potentsial sotsial'nogo proyektirovaniya v usloviyakh radikalizatsii politiko-informatsionnogo prostranstva [Constructive Potential of Social Design in Conditions of Radicalization of Political and Information Space]. *Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Journal of Social Sciences], 9, 134–147.
- Zavershinskiy, K. F. (2015). Politiko-kul'turnyye izmereniya sotsial'nykh konfliktov [Political and Cultural Dimensions of Social Conflicts]. In A. I. Strebkov, A. V. Aleynikov, A. G. Pinkevich (Eds.) *Konflikt kak problema. Ocherki sovremennoy teoreticheskoy i prikladnoy konfliktologii* [Conflict

as a Problem. Essays on Modern Theoretical and Applied Conflictology]. SPb.: Fond razvitiya konfliktologii.

Zaznayev, O. I. (2011). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: Ocherki* [Political Identity and Identity Politics: Essays]. Kazan': Otechestvo.

Received 30.09.2019

Accepted 29.11.2019

For citation: Yurchenko I. V., Baranov A. V., Yurchenko N. N., Dontsova M. V. Factor Analysis of The Level of Integration and Conflict of Human Capital of Youth in The Multi-Ethnic Environment of The Black Sea Macroregion.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 163-183.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).